В голове Цинь Фэя без умолку звучали системные уведомления.

[Поздравляем игрока Цинь Фэя с достижением «В центре внимания: двести зрителей»! Системная награда: +10 очков.]

[Число подписчиков вашего канала увеличилось на 84.]

[Игрок Цинь Фэй вошел в пул качественного трафика зоны новичков. Система продолжит предоставлять вам рекомендательные места для новичков. Так держать!]

«До чего же шумно…»

Внешне Цинь Фэй оставался абсолютно спокоен, но мысленно уже не раз поморщился.

«Как отключить эти дурацкие уведомления?»

Услышь его мысли другие, более опытные игроки, они наверняка не сдержались бы и проломили ему череп. Ведь для остальных этот надоедливый писк был сладостной музыкой, пределом мечтаний!

— За мной, — повторил гид, взмахнув флажком, и повел группу прочь из погребального покоя.

За те десять минут, что они провели внутри, окончательно стемнело. Из-за рваных туч едва проглядывал серп луны, заливая окрестности мертвенно-бледным, холодным светом.

Вдоль деревенской улицы один за другим зажигались тусклые огоньки. По дороге сюда они не встретили ни души, но с наступлением темноты деревня словно ожила. Местные жители лениво выползали из домов: кто-то прогуливался, кто-то переговаривался или развешивал белье, безучастно топчась по разбросанной повсюду ритуальной бумаге.

Удивительно, но когда мимо них прошествовала внушительная толпа почти из двадцати человек, ни один селянин даже головы не поднял — словно пришельцев здесь и вовсе не было.

К этому моменту разница между новичками и старожилами стала очевидной. Команда разделилась сама собой: ветераны уверенно шагали впереди, а новоприбывшие с опаской жались чуть поодаль, стараясь не отставать.

Цинь Фэй с самым непринужденным видом шел среди опытных игроков, ни капли не смущаясь своего обмана.

Зал собраний, о котором говорил проводник, располагался на западной окраине, у самого

въезда в деревню. Построенный в том же мрачном стиле, что и остальные дома, этот просторный четырехугольный зал глубокого фиолетового цвета казался огромным. Земля перед его распахнутыми дверями была завалена плотным слоем бумажных денег, а изнутри струился слабый желтоватый свет.

— Мы на месте, — гид остановился перед входом. Его хриплый голос прозвучал как древнее, давно забытое заклятие. — Сейчас вы увидите одно из самых древних таинств этих мест — Пир Короля Трупов.

С этими словами он переступил порог. Зал внутри был забит местными под завязку.

Внутреннее убранство разительно отличалось от внешнего вида здания. Пол сверкал новеньким белым кафелем, а под потолком покачивалась причудливая хрустальная люстра.

Прямо посреди зала тянулся огромный стол, наспех составленный из десятков маленьких квадратных столиков. Он ломился от яств: блюда пестрели всеми цветами радуги, посуда сияла чистотой, а в воздухе витал умопомрачительный аромат, от которого мгновенно текли слюнки.

Хрустальную люстру включать не стали, но перед каждым прибором на медных подсвечниках тихо горели по три белые свечи. Их ровное пламя, не колеблемое ни единым дуновением ветра, едва разгоняло царивший в помещении полумрак.

— Садитесь, — бросил гид и первым опустился на ближайший стул.

Почти все места за столом уже были заняты, и когда игроки один за другим расселись, последние свободные стулья оказались заняты.

Сидевшие напротив деревенские жители не проронили ни звука. Они безучастно созерцали разложенные перед ними приборы, не пытаясь заговорить или хотя бы переглянуться.

Опустившись на свое место, Цинь Фэй вскинул голову. Отбрасываемая свечами тень за его спиной увеличилась во много раз и застыла на грязно-синей стене, напоминая притаившееся чудовище, готовое в любой момент сожрать присутствующих.

Кое-кто из игроков с подозрением осматривался, а у некоторых уже непроизвольно потекли слюнки. Аромат еды был настолько густым и манящим, что пробуждал первобытный голод в самой глубине желудка. Для измученных страхом и голодом людей, не державших во рту маковой росинки за весь день, это искушение было почти непреодолимым.

«Пахнет и вправду отменно», — Цинь Фэй принюхался, разглядывая блестящего от жира жареного гуся.

Вот только…

Взгляд двоих игроков внезапно затуманился. Словно лишившись воли, они медленно потянулись руками к стоявшим перед ними блюдам.

Цинь Фэй пристально посмотрел на них и негромко обронил:

— Не трогайте еду.

— П-почему? — один из них, сохранивший остатки разума, растерянно поднял голову.

Почему? Да одного взгляда на их остекленевшие глаза хватало, чтобы понять: угощение отравлено иллюзией.

Напротив Цинь Фэя сидел один из опытных игроков, мужчина лет тридцати по имени Сунь Шоуи. Нахмурившись, он процедил сквозь зубы:

— В автобусе предупреждали: уважайте местные обычаи и нравы.

Этот пир — часть ритуала. А раз так, у него должен быть свой порядок. Ни один из местных жителей еще не прикоснулся к еде, так с какой стати приезжим нарушать правила?

Услышав слова Сунь Шоуи, парень немного пришел в себя и с трудом откинулся на спинку стула.

Однако другой новобранец по имени Ван Шунь окончательно потерял над собой контроль. Схватив кусок мяса прямо руками, он с жадностью хищника принялся заталкивать его в рот.

Сидевший рядом попутчик попытался перехватить его руку, но Ван Шунь грубо отмахнулся — несчастный едва не полетел на пол вместе со стулом.

Экстаз, написанный на лице безумца, выглядел жутко. Блестящий жир стекал по его подбородку, он заглатывал куски с таким скотским вожделением, что уже мало походил на человека. Скорее на свинью у корыта.

Смотреть на это грязное зрелище было противно, но, как ни странно, остальные игроки почувствовали, что манящий запах еды стал еще гуще и притягательнее.

Сяо Сяо прикрыл рот ладонью и, с подозрением косясь на блюда, тихо буркнул:

— И почему мне кажется, что здесь что-то не так?

В глазах Цинь Фэя промелькнул понимающий блеск.

И то верно.

Откуда в глухой, полузаброшенной горной деревушке взяться живым цветам, изящным подсвечникам и европейским столовым приборам? С какой стороны ни посмотри, убранство зала кричало о классическом европейском банкете. На фоне покосившихся деревенских лачуг это выглядело настолько дико, словно в мир Губки Боба внезапно затесался Телепузик.

— Жареный гусь, — едва слышно прошептал Цинь Фэй, обращаясь исключительно к Сяо Сяо.

Тот опешил:

— Гусь? Какой еще гусь?

«Ну конечно», — получив подтверждение своей догадке, Цинь Фэй задумчиво опустил глаза.

— Да ладно?! — до даоса наконец дошло. — А я вижу перед собой кипящий острый сычуаньский хого с морепродуктами.

Он принялся перечислять:

— Баоюй, трепанги, гребешки, креветочные шарики, рубец… Я еще подумал: этот придурок прямо из кипящего бульона фрикадельки вылавливает и в рот пихает. У него что, глотка луженая?

Цинь Фэй лишь покачал головой.

Что ж, теперь понятно, почему парню все показалось странным. Цинь Фэй, конечно, понимал логику создателей этого мира: иллюзия подстраивалась под сокровенные желания каждого игрока. Но черт возьми! Ну должно же быть хоть какое-то соответствие реальности!

По ту сторону экрана зрители трансляции покатывались со смеху.

[Ха-ха-ха, умора! Систему только что опустил собственный стример за халтурный дизайн иллюзий! А ну, извиняйся живо!]

[Слушайте, а этот парень чертовски хорош собой. Я прямо таю, когда он так недовольно хмурится.]

[Но вообще, это… Кхм. Пусть иллюзия и выглядит топорно, ее показатель ментального искажения превышает восемьдесят процентов. Тот факт, что новичок проявил такую чуткость в пробном мире, действительно поражает.]

[Восемьдесят процентов марева его не взяли?! Насколько же у него силен психический иммунитет?!]

Стоило последнему гостю занять свое место, как ракурс трансляции изменился. Камера приблизилась, запечатлев фигуру, поднявшуюся во главе длинного стола.

— Гости в сборе! Пир начинай-ся… — протяжно запел мужчина.

Тут же со всех сторон загремела жуткая, заунывная музыка. Оглушительный треск гонгов и завывание соны больше походили на заупокойный марш, от которого кровь стыла в жилах. О каком-либо эстетическом удовольствии говорить не приходилось.

— Это наш староста, — тихо пояснил гид.

Староста был глубоким стариком: седые волосы и борода белели в полумраке, а полы его темно-серого халата волочились по полу. Закинув голову, он уставился мертвым взглядом в пустоту под потолком и монотонно забормотал:

— Пир Короля Трупов, Короля Трупов пир… В седьмой день седьмой луны первый стол накрыт. Жалуйте, мертвецы, к трапезе нашей.

Староста благоговейно сложил ладони перед грудью.

— Первый шаг к призыву усопших: вырвать очи…

С последним словом в зале воцарилась гробовая тишина.

И пусть Цинь Фэй не испытывал ни капли страха, от этой фразы у него чисто физиологически дрогнул уголок века.

Выколоть глаза?.. В самом буквальном смысле? Лишить себя зрения? Но чьи глаза нужно вырывать? Игроки растерянно переглядывались, силясь осознать услышанное.

Под потрясенными взглядами присутствующих староста медленно поднял иссохшую руку. Дряблые, похожие на сухие ветки пальцы коснулись лица. В следующее мгновение старик резко надавил, глубоко вонзая ногти под веко.

Кто-то из новичков судорожно всхлипнул. Староста провернул палец в глазнице, выковыривая плоть. На стол хлынула темная кровь, смешанная с мутной лимфой. Старик хладнокровно, собственными руками выдрал собственное глазное яблоко!

Цинь Фэй нахмурился, не отрывая взгляда от жуткого зрелища. Сяо Сяо беззвучно шевельнул губами, посылая старика ко всем чертям.

Однако настоящий кошмар только начинался. Стоило старосте закончить, как две сотни сидевших за столом жителей, словно повинуясь невидимым нитям, одновременно подняли руки!

Воздух в зале мгновенно пропитался тяжелым запахом свежей крови. Одна из молодых девушек не выдержала и истошно закричала. Лица остальных игроков сделались мертвенно-бледными, а руки, лежащие на столе, мелко задрожали.

Неужели им придется сотворить с собой то же самое?! Каждый чувствовал себя так, будто оказался на пороге гибели.

Каждый, кроме Цинь Фэя. В этой гнетущей обстановке он умудрился с искренним любопытством спросить у проводника:

— Это у вас обязательная часть программы?

Еще у ворот погребального покоя гид строго-настрого запретил «смотреть в левое око божества». Теперь — этот безумный ритуал с самоистязанием. Очевидно, «глаза» играли в этом мире ключевую роль.

Проводник наконец снял свою красную шляпу, скрывавшую пол-лица. Его кожа оказалась мертвенно-серой, сухой и туго обтягивала череп — вылитый мертвец. Он безучастно кивнул Цинь Фэю и тем же механическим движением, что и прочие селяне, погрузил пальцы в левую глазницу.

На его лице не дрогнул ни один мускул, словно парень вовсе не чувствовал боли.

Обряд завершился. Двести человек одновременно повернули головы к замершим в центре зала чужакам. Сотни пустых, сочащихся кровью глазниц уставились на перепуганных игроков.

— С-спасите… — едва слышно прошептал кто-то из новичков побелевшими губами.

Шрам потемнел лицом, судорожно сжимая рукоять кинжала. Сунь Шоуи занес ладонь над лицом, зажмурился до боли, но так и не решился. Рука просто не поднималась.

Стиснув зубы, он уставился на Цинь Фэя. Сам того не замечая, этот странный новичок, умело косивший под бывалого игрока, стал для всех негласным лидером.

— Вы ведь сами упомянули предупреждение из автобуса, — Цинь Фэй мягко улыбнулся и

кивнул Сунь Шоуи. — «Уважайте местные обычаи». Выходит, обойти этот шаг без последствий не получится.

Свечи окрасили каштановые пряди юноши в теплые тона. Его чистый, спокойный взгляд излучал мягкую уверенность, а ровный голос заставлял ловить каждое слово.

Игроки притихли.

— Но… — Сунь Шоуи сжал кулаки, пытаясь уцепиться за соломинку. — Правила ведь тоже могут врать. Нам могли подсунуть ложные инструкции.

Вот как? Вряд ли опытный боец стал бы болтать попусту. Значит, в этих мирах действительно встречаются фальшивые подсказки?

Цинь Фэй не стал спорить:

— Как знаете.

Даже если ложные правила существовали, парень сомневался, что гид сейчас блефует. Экскурсовод и автобус явно принадлежали к одной фракции. Если проводник лгал, то и трансляции в салоне грош цена. А это означало бы, что с момента прибытия они не получили ни единого правдивого указания.

Для раунда, где большинство — зеленые новички, подобная сложность была бы явным перебором. По крайней мере, сейчас проводнику стоило доверять. Что будет дальше — покажет время, но прямо сейчас расклад именно такой.

Куда важнее было другое: Цинь Фэй уже раскусил этот зал. Если роскошные яства перед ними — всего лишь морок, то с чего бы сцене самоистязания старосты быть настоящей?

Сидевший рядом гид уставился на него своей пустой, сочащейся сукровицей глазницей.

Цинь Фэй повернулся и встретился с ним взглядом. А затем спокойно протянул руку к собственному лицу.

Тонкий указательный палец погрузился в глазницу и медленно, плавно провернулся. Спустя мгновение на его изящной ладони уже лежало круглое, сочащееся теплой кровью глазное яблоко.

http://bllate.org/book/42657/5470963